

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

А. Н. Ужанков

СТАДИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XI – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ФОРМАЦИЙ

Разговор о стадильном развитии мировых литератур в ученой среде возник в конце прошлого столетия. При этом исследователи применили, как назвал его Г. Н. Поспелов, «европоцентристский» подход, поскольку выявили в европейских литературах «закономерную стадильность их развития»¹. С. С. Аверинцев указал на три качественно отличных состояния «литературной культуры» в европейской литературе: 1) дорефлективно-традиционалистское, преодоленное греками в V—IV в. до н. э.; 2) рефлективно-традиционалистское, оспоренное к концу XVIII в. и упраздненное индустриальной эпохой; 3) конец традиционалистской установки как таковой².

С рядом уточнений — выделяются не просто «три состояния культуры», а «три наиболее общих и устойчивых типа художественного сознания» — эта концепция развития уже мировой литературы (с учетом на сей раз и восточных литератур и более четким указанием временных границ) была принята и расширена в совместной статье С. С. Аверинцева, М. Л. Андреева, М. Л. Гаспарова, П. А. Гринцера и А. В. Михайлова³, которая представляет собой обобщение их собственных разработок по исторической поэтике.

Существенным является тот факт, что в качестве основного критерия в выделении глобальной «литературной эпохи» выступает «художественное сознание», т. е. понятие, напрямую связанное с мировоззрением, а каждый период получил сжатую типолого-поэтологическую характеристику.

Именно «художественное сознание» послужит основным критерием в определении хронологических границ литературных формаций в русской средневековой литературе.

Следует обратить внимание на то, что, хотя исследователи и выделяют в качестве основополагающего понятия «литературной эпохи» тот или иной тип художественного сознания, «претворяющегося в поэтике», тем не менее границы между этими тремя типами сознания определяются авторами «важнейшими социально-культурными переворотами в мировой истории»: возникновением новых форм государственности, идеологическими движениями и временем утверждения «индустриальной эпохи». Иными словами, исследователи признают особое влияние «социально-культурного фактора» на формирование художественных систем как в целом (поскольку в «художественном сознании» эпохи отражается и ее «историческое содержание», и «ее идеологические потребности и представления»), так и в части определения их границ. При этом они никак не учитывают воздействия на тип «художественного сознания» религий, и в частности христианства для европейских литератур.

---

¹ Поспелов Г. Н. Стадийное развитие европейских литератур. М., 1988. С. 28.

² Аверинцев С. С. Древнегреческая поэтика и мировая литература // Поэтика древнегреческой литературы. М., 1981. С. 3–14.

³ Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1999. С. 3–38.

Любое обобщение, претендующее на универсальность, верно только в общих положениях и нуждается порой в существенных уточнениях, касающихся частных (конкретных) вопросов, а нашем случае — русской литературы XI — первой трети XVIII в., находящейся под сильнейшим влиянием Православия.

Было бы ошибкой утверждать, что те мировоззренческие процессы, которые происходят в *секуляризованном* (с середины XIII в.) западноевропейском сознании, тождественны или хотя бы частично соответствуют тем процессам, которые развиваются в *религиозном* (до середины XVII в.) сознании средневековой Руси. Несоответствие русской средневековой словесности западноевропейским литературам велико. И следует искать *свои*, внутренне присущие русскому общественному сознанию, процессы и выявлять *свои* законы развития средневековой словесности.

Несомненно, древнерусская литература относится к средневековому типу мировых литератур, развивается по тем же, что и западноевропейские литературы, законам, и потому она *типологически* подобна западноевропейским литературам, но не тождественна им, а всецело самобытна. Тому есть причины и объяснения, но они еще недостаточно исследованы медиевистами.

Попытку рассмотреть стадиальное развитие всей тысячелетней русской литературы предпринял Г. Н. Поспелов⁴. Исследователь отдавал предпочтение литературе Нового времени, начиная с 40-х годов XVIII в. Русская словесность с XI в. до середины XVII в. выделена им в *одну стадию*. Из этой, очень сжатой и поверхностной, характеристики *первой стадии* развития русской литературы можно заключить, что древнерусская литература была *только* служанкой государственной власти, ни на что более не была способна (не отмечено даже ее конфессиональное значение) и не развивалась.

Может быть, именно потому, что сам Г. Н. Поспелов выступал сторонником «европоцентристского» подхода в изучении отечественной литературы, ему и не удалось рассмотреть специфические черты в стадиальном развитии русской литературы XI — первой трети XVIII в.

1. О принципах построения и периодизации русской литературы XI — первой трети XVIII в.

С 20-х годов XIX в. и до сих пор доминирует «исторический подход» в построении как всей истории русской литературы, так и отдельно взятой истории древнерусской литературы. При этом литературу рассматривают как форму *общественного* сознания. Но она и форма *художественного* сознания, поскольку своими определенными художественными средствами решает творческие задачи.

Даже при едином подходе исследователей к периодизации древнерусской литературы все же наблюдаются существенные различия и в выделяемых ими хронологических рамках периодов, и в их количестве (от четырех до семи)⁵. Такой разброс мнений свидетельствует о кризисной ситуации в литературоведении и заставляет задуматься о правомерности применяемого подхода к периодизации и, соответственно, построении самой истории древнерусской словесности.

Очевидно, что если при построении истории литературы и в разработке ее периодизации ограничиваться только «историческим подходом», то мы никогда не воспроизведем объективного течения литературного процесса, поскольку не сможем не с литературных позиций объяснить чисто литературные явления: появление жанра оригинальной мирской (бытовой) повести в XV в., или эволюцию пейзажа в древнерусских сочинениях XI—XVII в., или появление личностного начала в древнерусской литературе, или возникновение поэзии в XVII в. Чисто литературные явления невозможно объяснить ходом гражданской истории.

Чтобы научно объяснить эволюцию русской средневековой литературы от освоения письменности до переходного периода, от Нового времени и до наших дней, необходимо выработать *единый литературоведческий критерий* как в определении периодов в развитии литературы, так и в оценке

---

⁴ Поспелов Г. Н. Стадиальное развитие европейских литератур.

⁵ Ужанков А. Н. О принципах построения истории русской литературы XI — первой трети XVIII в. М., 1996; Ужанков А. Н. Древнерусская литература: мировоззрение и восприятие // Филология и школа. Труды Всероссийских научно-практических конференций «Филология и школа». М., 2003. Вып. I. С. 97–175.

происходящего в их границах процесса. Только тогда получится цельная, изложенная с единой позиции история русской словесности.

В рамках этого универсального (и типологического) подхода следует разработать применительно к древнерусской литературе чисто литературный подход, ибо *нельзя литературное явление* внутри периода объяснить не с литературных позиций, как, впрочем, и выделить сам период в истории литературы без учета совокупности характерных именно для него литературных явлений, слагающихся в определенную литературную систему.

2. О специфике «художественного метода» средневековой литературы

Развитие художественного начала в литературе обусловлено эволюцией сознания, т. е. причина художественно-образных изменений лежит в смене способов осознания (познания) мира и методов его «художественного изображения».

Взгляд древнерусского писателя как человека православного на мироздание не мог значительно отличаться от принятой в ту пору в обществе религиозной концепции мира. Для Средневековья характерен синкретизм личного и общественного сознания, тем более что в основу мировоззренческих представлений положено Православие с его христианской философией, а древнерусские писатели были людьми церковными. Т. е. практически в любой период на протяжении XI–XVII в. писатель в значительной степени отражал общественные представления. Эти представления не были неизменными на протяжении восьми столетий.

В зависимости от господствующих религиозно-философских взглядов можно выделить ряд мировоззренческих стадий, на которых поступательно пребывало древнерусское общество в процессе своего развития. В тесной взаимосвязи с ними находилось и писательское сознание. Собственно, по древнерусским сочинениям только и можно выявить эти мировоззренческие стадии, равно как и изменяющийся средневековый метод изображения, зависящий от общественного мышления.

«Художественный метод» древнерусской литературы «не выделялся из познавательного метода своего времени в целом, как явления синтетического (активно синтезирующего представления эпохи)»⁶. Иными словами, средневековый метод изображения был синкретизирован (слит) с методом познания, был тождественен ему. А познавательный метод, в свою очередь, «был обусловлен всеобщим религиозно-символическим мышлением древнерусского общества (и всего средневекового мира)»⁷.

Поскольку метод познания со временем претерпевает изменения, изменяется и генетически связанный с ним метод изображения. Возникает вопрос: насколько средневековый метод изображения действительности, синкретизированный с методом познания, был «художественным»?

По большому счету, речь, конечно же, не идет о художественном методе воспроизведения действительности, равном художественному методу литературы Нового времени. Можно говорить о специфическом средневековом литературном методе познания-отражения. Художественный метод (основанный на типизации, обобщении, вымысле, еще отсутствующих в средневековом методе изображения) — категория самостоятельная, дифференцированная с методом познания и дистанцированная от него. Только объективные причины, связанные с секуляризацией сознания, способствовали выделению художественного метода в самостоятельный в переходный период от средневековой литературы к литературе Нового времени (40-е годы XVII — 30-е годы XVIII в.). Поэтому относительно русской литературы XI — 30-х годов XVII в. было бы правильнее говорить все же о *средневековом методе изображения*, который является предшественником самостоятельного художественного метода, его предысторией.

⁶ Робинсон А. Н. Литература Киевской Руси среди европейских средневековых литератур // Славянские литературы. М., 1968. С. 84–85.

⁷ Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья XI–XIII в. Очерки литературно-исторической типологии. М., 1980. С. 40.

Чтобы определить *средневековый метод изображения* на той или иной исторической стадии, необходимо определить метод познания, обусловленный мировоззренческими представлениями эпохи. Это, в свою очередь, требует анализа и дифференциации онтологических воззрений в разные века, чтобы определить перемену в них или, наоборот, постоянство.

3. Стадиальное развитие мировоззрения и эволюция синкретического метода изображения

Специфика средневекового эпистемологического метода значительно отличается от художественного (творческого) метода литературы Нового времени. В православном средневековом сознании «угол познания» мира равен «углу отражения» мира. Т. е. под каким углом (с помощью чего) познается мир, под таким же углом (с помощью того же) он и отражается. Следует при этом помнить, что мир имеет бинарную модель, состоящую из «мира горнего» и «мира дольного».

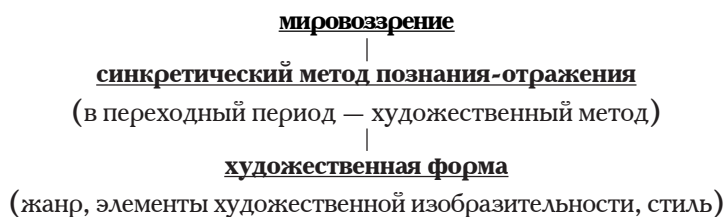
Познание бинарного мира есть Богооткровение, но и само творчество есть Богооткровение. Отсюда: высшая форма познания — теофания (от греч. θεοφαια — богоявление); высшая форма творчества — синергия (от греч. συνεργός — взаимодействие).

У нас должно быть выработано адекватное восприятие средневекового «художественного метода»: это не «творение рук» («художество» в буквальном древнерусском смысле), а «хытрость» — дар свыше, от Бога (Сам Бог в псалмах назван «Хытрець зело велик»), как дар Святого Духа. А потому он и не познаваем, как и Святой Дух! Можно ли познать вдохновение? Отсюда трудновыводимы закономерности в творчестве древнерусских писателей. Гораздо проще описывать и изучать результаты (творения), но не сам процесс: нет черновиков, как у писателей Нового времени. Если творчество — акт синергетического единения человека с Богом, то как его рассмотреть?⁸

Средневековый метод отражения выполнял ту же функцию, что и «художественный метод» в Новое время. Он формировал на стадии своего господства определенную культурно-художественную систему (в которую входили жанры, изобразительные средства, стиль и т. д.), отличающуюся от предшествующей и подготавливающую последующую.

В этом и заключается идея стадиального развития русской литературы XI — первой трети XVIII в.

Поскольку литература является продуктом осознанной интеллектуальной деятельности человека, логично было бы вывести универсальную формулу взаимосвязанного развития сознания (выраженного в мировоззрении, способах мышления и познания и т. д.) и литературы на дифференцированных (по определенному ряду признаков) стадиях:

Такой подход в изучении литературных явлений позволяет не только увидеть конкретный результат развития литературы в виде конкретных произведений, но и выявить и объяснить происхождение их литературно-художественных особенностей.

Развитие художественного начала в литературе обусловлено эволюцией сознания, т. е. причина изменений лежит в смене способов осознания (познания) мира и методов его воспроизведения, в нашем

⁸ Ср.: «Как пишет к римлянам ап. Павел, “в нем (т. е. в благовествовании) открывается правда Божия от веры в веру” (Рим. 1: 17). Обратите внимание, апостол утверждает, что слово Божие, каким представляется всякое произведение христианской церковной словесности, не только создается по вере, но и воспринимается тоже только по вере. Кстати, не в этом ли объяснение тому, почему секулярная наука оказывается бессильной в постижении истинного смысла церковной книжности и останавливается на изучении лишь ее внешних признаков и особенностей?» (Левшун Л. В. История восточнославянского книжного слова XI–XVII вв. Минск, 2001. С. 29).

случае — словесного, наряду с «умозрением в красках» — в изобразительном искусстве, «философии в камне» — в архитектуре, музыке и т. д.

Иными словами, объективно складывающаяся в определенный исторический момент «литературная среда» прежде всего обусловлена мировоззрением.

Русскому средневековому онтологическому сознанию конца X — 30-х годов XVII в. соответствовало идеалистическое мышление и иррациональное мировоззрение. Секуляризованному сознанию переходного периода (40-х годов XVII — первой трети XVIII в.) присущи когнитивный (адекватный научному) тип отношения к реальности и рациональное (метафизическое) мировоззрение.

Сказанное не означает, что иррациональное мировоззрение на протяжении семи столетий было неизменным. Учитывая особенности мышления, способа и метода познания-отражения, характерные только для определенных временных отрезков, можно дифференцировать пять стадий в эволюции русского мировоззрения XI — первой трети XVIII в. (и в развитии средневековой философии и литературы). Они выделяются на основе анализа сочинений древнерусских писателей путем определения доминирующего на той или иной временной стадии синкретического метода познания-отражения мира. С разделением единого метода познания-отражения на два самостоятельных, произошедшим в 40-е годы XVII в., закончился средневековый период в русской философской мысли (и литературе) и начался переходный период от Средневековья к Новому времени, в течение которого формировался не только самостоятельный метод познания, приведший к зарождению естествознания и теоретической науки в Новое время, но и «художественный метод изображения», способствовавший развитию начиная со второй половины XVII в. художественной литературы.

Таким образом, на древнерусский, или средневековый, период приходятся четыре стадии:

1. мировосприятия (XI—XII в.);
2. мирозерцания (XIII — первая половина XIV в.);
3. миропонимания (вторая половина XIV — до 90-х годов XV в.);
4. миропостижения (с 90-х годов XV в. до 40-х годов XVII в.).

Пятая стадия — миропредставления — переходная от Средневековья к Новому времени (с 40-х годов XVII в. по 30-е годы XVIII в.).

Названия стадий даны по основному процессу познания (осознания) мира в тот или иной, но достаточно определенно выделяемый временной отрезок, с присущим ему доминирующим (синкретическим или дифференцированным) методом познания-отражения мира⁹.

Дифференциация мировоззренческих стадий по доминирующему синкретическому методу познания-отражения обусловлена тем, что он наиболее подвержен временным изменениям, в то время как определенный тип мышления, а тем более религиозный способ познания мира, охватывает зачастую не одну, а две или три стадии.

Первой стадии мировосприятия соответствует идеалистическое (религиозно-символическое) мышление. Стадия мирозерцания представляет собой переходный период к новому — объективно-идеалистическому мышлению, охватывающему две стадии (со второй половины XIV в. до 40-х годов XVII в.) — миропонимания и миропостижения. Затем опять следует переходный период (стадия миропредставления), но уже к естественно-научному мышлению.

Рассмотрим в конспективном изложении характеристики каждой из пяти стадий и укажем на некоторые существенные черты литературного процесса XI — первой трети XVIII в.

Стадия мировосприятия (XI—XII в.)

С конца X в., со времени принятия христианства, и на протяжении XI—XII столетий Русь проделала путь от языческого (эмпирического) мироощущения к христианскому («умственному») мировосприятию.

⁹ См.: Ужанков А. Н. Теория литературных формаций в русской литературе XI — первой трети XVIII в. // Филологические науки. 2005. № 1. С. 3–12.

Христианство ко времени прихода на Русь имело уже почти тысячелетнюю традицию, с хорошо разработанной системой знаний (христианской антропософией), зафиксированной письменно. Приняв христианство, Древняя Русь приняла и это обобщенное устоявшееся знание с четкой картиной бинарного мира и представлениями о человеке как малом мире, «микрокосмосе» — подобии большого мира — «макрокосмоса», давая пищу уже «уму», «очам духовным», а не чувствам — «глазам телесным». Обширное христианское знание, изложенное в книгах, заняло доминирующее положение в сознании образованных писателей и иконописцев. Не человек, а иерархическое мироздание с Богом в центре оказалось объектом познания.

Доминирующим синкретическим методом на стадии мировосприятия был *религиозно-символический метод*. Он имеет двуединую сущность: объединяет причину и следствие. Для этой стадии идеалистического мышления характерно отсутствие в древнерусских сочинениях указаний на причинно-следственную связь, но зато акцентируется смысловая.

Собственно «познание» сводилось к Богопознанию. Бог, согласно Святому Писанию, непостижим, но «познаваем». Однако «познание» «мыслится не как постижение сущности Бога, что считалось недопустимым для человеческого разума, а выявление смысла, который имеет Бог для человека»¹⁰. Можно сказать, Бог не познавался, а осознавался. И осознавался прежде всего через свое творение. Величие Его виделось в окружающем мире, природе. Поэтому отношение к природе — это отношение к Богу: природа не познаваема разумом, как и ее Творец, а только умом и можно осознать ее величие¹¹.

Природа представляла собой загадку. Ее явления, особенно бедствия, воспринимались как проявление воли Творца, наказание за грехи.

На этой стадии мышления *logos* имеет полный приоритет перед *ratio*. Слово воспринималось как символ, несущий в себе Божественную сущность и глубинный смысл¹², ибо словом явил Господь волю — сотворил видимый мир и всякую «вещь» в нем. Отсюда в XI—XII в. такой пиетет перед Словом, особенно — Святого Писания. К нему относились как к Божественному Откровению, в котором отражена вся сущность мира. Отсюда приоритет духовного начала перед материальным миром. Поэтому и не пытались постичь материальный мир — «воплощение Божия слова» — «разумом», т. е. рассудком и чувствами, ибо для его «постижения» достаточно было понять «умом», что о нем говорится в Святом Писании — Божественном Откровении, исследовать не реальный мир, а его отражение, словесный символ. В XI—XII в. слово воспринималось на содержательном и символическом уровнях.

С помощью слова-символа и создавалась упорядоченная система мироздания, когда мир дольний воспринимался как символ мира горнего. Поэтому символизм был единственно возможным для XI—XII в. способом построения целостной картины мира, в центре которой пребывает Бог — Творец.

Отношение к действительности в рассматриваемый период носило ценностный (аксиологический) характер. Это видно на примере понимания категорий «времени» и «пространства», воспринимаемых в смысловом единстве. Они воспринимались в двух ипостасях, поскольку в представлении христиан существовали и сакральное время — вечность, и сакральное пространство — небеса, рай — наряду с земным (дольным) мирским изменяющимся временем и пространством.

Отношение православного человека ко времени, как и к пространству, в XI—XII в. было религиозно-нравственным, сопряженным с ожиданием конца мира, т. е. земного времени, и наступлением «будущего века», «жизни нетленной», т. е. вечности, которой удостаиваются только души праведников. О будущем же, земном времени древнерусские книжники предпочитали не задумываться¹³. Т. е.

---

¹⁰ Горский В. С. Философские идеи в культуре Киевской Руси XI — начала XII в. Киев, 1988. С. 100.

¹¹ В Древней Руси понятие «ум» и «разум» не тождественны и не являются синонимами. Достаточно вспомнить слова Даниила Заточника: «Въстробимъ, яко въ златокованья трубы в разумъ ума своего...», или притчу «ум за разум зашел». «Разум» — это рассудок, способность доходить до сути в процессе размышления. «Разум» руководит чувствами. «Ум» — это духовная сущность, способность восприятия Откровения на основе веры.

¹² Вдумайтесь хотя бы в начальные слова Евангелия от Иоанна: «Въ начале бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ Слово».

¹³ Ужанков А. Н. Будущее в представлении писателей Древней Руси XI—XIII веков // Русская речь. 1988. № 6. С. 78—84.

сквозь призму отношения к *категории времени* проступает проблема греховности человеческой жизни, проблема добра и зла, постоянно присутствующая в древнерусской литературе. Средневековое сознание было интенциональным, поскольку постоянно удерживало в себе конечную цель — спасение души в «будущем веке». Она стала генеральной темой в древнерусской философии и литературе.

Стадия миросозерцания (XIII — первая половина XIV в.)

Способом умственного познания наряду с еще сохранившимся в начале XIII в. умозрением (толкованием) выступало в это время интуитивное созерцание идеи бытия как эйдоса, т. е. некоего духовного образа. Это переходный период, во время которого религиозно-символический метод познания-отражения стал вытесняться новым — религиозно-прагматическим, а идеалистическое мышление — прагматическим (объективно-идеалистическим).

Уже на раннем этапе, в начале XIII в., в литературе заметно присутствие этих двух методов. Если в предыдущий период наличествовала одна связь — по смыслу (отсюда прослеживалась в «Слове о полку Игореве» и «зависимость» события от символа: пленение князя Игоря от затмения солнца), то в переходный период появилась и причинно-следственная связь: одно событие выступало причиной другого. Она отразилась прежде всего в летописях. Но все же чаще поступки князя и явления жизни трактуются в традиционном провиденциализме.

Отношение к окружающему миру, и в частности к природе, также претерпело изменение. Относиться к ней стали на бытовом, потребительском уровне. Появилась ее оценка, например, с точки зрения удобства ландшафта для строительства города или монастыря и т. д. Но еще не «научились» любоваться ее красотой, нет и оценочных ее описаний.

К концу периода, к середине XIV в., прагматизм стал играть весьма заметную роль в мышлении древнерусских писателей, а религиозно-прагматический метод познания-отражения полностью вытеснил религиозно-символический.

Стадия миропонимания (вторая половина XIV в. до 90-х годов XV в.)

Господствующим на этой стадии развития мировоззрения становится именно религиозно-прагматический метод, формировавшийся в предыдущий — *переходный* — период на стадии миросозерцания.

Переходным мы его назвали потому, что он стал пограничным между идеалистическим (словесным) способом познания Бога и материалистическим (эмпирическим) способом познания материального мира.

Стадия миропонимания завершает пятивековой этап в развитии русской средневековой мысли, в основе которого лежало умственное или духовное «познание» Бога через Благодать.

На всем этом промежутке времени бинарная картина мира не изменялась в сознании людей книжных ни по сути, ни по способу познания.

В восприятии христианина существовали сотворенные Богом мир дольний — видимый, окружавший человека и созданный ради него, и мир горний — невидимый, духовный, вечный.

Связь и единство противоположных миров осуществлены и выражены в едином Боге Отце, «Вседержителе, Творце неба и земли, видимого всего и невидимого» (православный Символ веры). Посланный Им в мир земной Сын Божий — Иисус Христос — явился олицетворением единства двух миров, ибо «совершен в Божестве и совершен в человечестве: истинно Бог и истинно Человек, также из души и тела; единосущен Отцу по Божеству и единосущен нам по человечеству; во всем нам подобного, кроме греха... едиnorodного, во двух естествах неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно познаваемого»¹⁴.

На этом этапе сознания, до XV в., мир видимый воспринимался как символ величия Творца, осознавался через Откровение, но не был подвластен разумному познанию. Хотя сознание (и основа

¹⁴ Книга правил святых апостол, святых соборов вселенских и поместных, и святых отец. Сергиев Посад, 1992. С. 5.

мировоззрения) по-прежнему оставались религиозными, постепенно накапливаемый практический опыт, с одной стороны, и переводная литература по естествознанию — с другой, формировали уже практическое (или рациональное) знание. Оно дало толчок в развитии мирской струи в объективно-идеалистическом мышлении XV в. Это привело к появлению русской оригинальной бытовой (мирской) повести, нового литературного жанра¹⁵, и светской живописи — парсун.

Окружающий мир стал восприниматься и осознаваться чувствами и оцениваться разумом, как и практическая деятельность человека.

В XV в. отношение к природе заметно обмирщилось. Утвердился утилитарный подход к ней. Человека приводило в восторг ее совершенство, разумность всего сотворенного, но за материальным творением уже не пытались увидеть тайный (сокровенный) смысл. В природе между причиной и следствием была установлена прочная прагматическая связь, равно как и между историческими событиями.

На стадии миропонимания окончательно сформировался и стал доминирующим религиозно-прагматический метод, основанный на дедукции, когда из общего (например, знания) выводилось частное (представление). Это стадия доминирования рассудка (в допустимых христианской философией пределах) над чувствами. Она подготовила коренную ломку сознания и его реформацию.

Стадия миропостижения (с 90-х годов XV в. до 40-х годов XVII в.)

Эта стадия русского средневекового мировоззрения названа стадией миропостижения, поскольку материальный мир в это время стал постигаться «разумом». В основе трех предыдущих стадий — *мировосприятия, мирозерцания и миропонимания* — лежат умовосприятие (теофания) и толкование как способ познания мира. Мир воспринимался «умом» — через веру, но оставался недоступен для познания разумом. Наблюдение и толкование параллелей между Святым Откровением (Библией) и природой и обществом выступало в качестве единственно возможной — словесной — формы «познания» мира. Для этого этапа мировоззренческой мысли важно было не познание истинно сущего, а постижение величия Бога, сотворившего все видимое и невидимое. Мир не познавался, а воспринимался умом, духовной сущностью человека. На смену символическому мышлению и наивному прагматизму на стадии миропостижения пришел рационализм, основанный «на христианско-платоновской идее предуготовленности человека к адекватному познанию действительности (человек — «духовное подобие Бога»)»¹⁶.

В древнерусской литературе конца XV в., и особенно XVI в., заметно господство разума. В подходе к действительности наметился практицизм, а в сознании стало складываться прагматическое мышление, закономерно приведшее к сомнениям, критицизму. Рассудок доминировал над верой в реформационных движениях 80–90-х годов XV в., способствовал развитию мирского начала в сознании.

Вот почему на этой стадии мировоззрения господствующим становится религиозно-рационалистический метод. Он основывается на индукции, т. е. заключение строится на обобщении единичных фактов, а мысль стремится от частного (явления) к общему (обобщению). Происходит открытие основ диалектики, отразившейся в полемической литературе.

Сочинения XV в. ослабили веру в Слово. До XV в. вымысел в литературе воспринимался как правда, и он был редок. Вера в Слово сменяется убеждениями в доказательность словом. Слова перестали восприниматься как истина. При наметившейся секуляризации сознания «правда» отстранилась от «неправды», «вера» — от «неверия». Создаются официальные индексы книг «истинных» и «ложных».

Для нас важен факт появления на этой стадии вымысла и первых попыток обобщения как составных «художественного метода».

С конца XV в. происходят изменения и в представлениях о «картине мира»: теоцентризм сменяется антропоцентризмом. Человек оказывается в центре мироздания, происходит «обнаружение» человека, личности. Соответственно, перемещается и внимание с объекта познания — Бога — на субъект познания — человека.

---

¹⁵ Ужанков А. Н. Истоки русской художественной прозы // Русская бытовая повесть XV–XVII в. М., 1991. С. 5–18.

¹⁶ Мудрагей Н. С. Средневековье и научная мысль // Вопросы философии. 1989. № 12. С. 24.

Природа стала восприниматься оторванно от ее Творца, как данная Богом человеку в услужение, а потому оказалась подвластной его деятельности, преобразуемой и познаваемой. На первое место выдвигается оценка творения, возможная только при критическом (познавательном) отношении к нему. Появилось любование красотой природы, чего ранее не было, а это повлекло за собой появление в сочинениях литературных пейзажей — вымышленных, ставших элементом литературной композиции, образов (см. пейзажи в «Казанской истории») ¹⁷.

В XVI в. в объективно-идеалистическом мышлении набирает силу рационально-индуктивный метод с его тягой к частным фактам (явлениям), на основании которых затем уже делаются обобщения. Основой им служит конкретный человеческий опыт.

После первых в истории России выборов «всем народом» русского государя в 1598 г. подверглась серьезному сомнению теологическая точка зрения на божественное происхождение царской власти. Сомнения — это открытие XVII в. Отыные и писатели станут субъективно интерпретировать исторические события. Эта стадия триумфа разума венчает средневековый период развития русского общества.

Стадия миропредставления (40-е годы XVII в. — первая треть XVIII в.)

Стадия миропредставления — это переходный период от средневекового *объективно-идеалистического* мышления к *рационалистическому* мышлению Нового времени. Главной чертой рассматриваемого периода является секуляризация мировоззрения, которая повлекла за собой бинарное деление синкретического религиозно-рационалистического метода. С одной стороны, произошло размежевание методов познания и изображения и обретение ими самостоятельности в дальнейшем развитии. С другой — сам метод познания дифференцировался на два параллельных метода: религиозный и рационалистический. Последний лег в основу метафизического понимания бытия и явился прообразом будущего естественно-научного метода. Рационалистический метод способствовал развитию естествознания в Новое время. Секуляризированный метод изображения обретает начиная уже с 50-х годов XVII в. черты художественно-рационалистического метода. Собственно, он и стал основой формирующегося художественного метода литературы переходного периода.

Можно назвать целый ряд признаков художественного развития на этой стадии. Прежде всего, это освоение художественного вымысла как литературного приема. До XVI в. русская литература была литературой достоверного факта. В XVI в. вымысел проник в литературу, а в XVII в. стал активно ею осваиваться. Использование вымысла привело к беллетризации литературных произведений. В Средневековье православная литература была душеполезным чтением, в переходный период появляется легкое, развлекательное чтение в виде переводных «рыцарских романов» и оригинальных любовно-приключенческих повестей.

Средневековая литература была литературой исторического героя. В переходный период появился вымышленный персонаж, с типичными чертами того сословия, к которому он относился ¹⁸. Обобщение и типизация пришли в русскую литературу следом за вымыслом и утвердились в ней в рассматриваемый период. Нововведения привели к появлению чисто светских произведений, а в целом — к появлению *светской литературы*.

4. Теория литературных формаций

4.1. Процесс развития литературы Нового времени складывается из взаимодействия литературных направлений: их зарождения, господства и угасания. В основе же любого литературного направления Нового времени лежит художественный (творческий) метод.

¹⁷ Об эволюции изображения природы в литературе и изобразительном искусстве см.: Ужанков А. Н. Эволюция пейзажа в русской литературе XI — первой трети XVIII в. // Древнерусская литература: Изображение природы и человека. М., 1995. С. 19–88; Ужанков А. Н. Эволюция «картины природы» в русском изобразительном искусстве XI — первой трети XVIII века // Вестник славянских культур. 2003. № 7. С. 42–51.

¹⁸ Ужанков А. Н. Человеческие отношения в русской приключенческой повести XVII — первой половины XVIII в. (Об истории жанра) // Литературное общение и формирование творческих индивидуальностей писателей XVIII–XIX веков. М., 1998. С. 4–17.

Таким образом, понятие «направление» тесно связано с понятием «метод». Их взаимоотношение Е. Н. Купрянова объясняет по аналогии со взаимодействием понятий общественно-экономической формации и способа производства: «Способ производства — это определенный исторический уровень развития производительных сил, которым и порождается соответствующая ему общественно-экономическая формация. Но понятие формации шире понятия способа производства, обозначая наряду с экономическим базисом общественного бытия также и его надстройку. Аналогичное отношение существует между методом и направлением. Метод есть также определенный «способ производства», но не материального, а духовного, соответствующий историческому уровню развития «производительных», т. е. познавательных, «сил» данной формы общественного сознания»¹⁹.

По сути дела, Е. Н. Купрянова подчеркивает значение самой «мелкой» типологически выделяемой единицы деления литературного процесса: изменяется метод — меняется направление — развивается литература.

Используя выражения Е. Н. Купряновой, можно сказать, что «через господствующий способ» познания-отражения действительности «определяются как типологические особенности» средневековой стадии, «так и связь с предшествующей и последующей» стадиями, «обуславливаемая развитием» средневекового мировоззрения²⁰.

Стало быть, средневековый синкретический метод так связан с мировоззренческой (литературной) стадией, как художественный метод литературы Нового времени связан с литературным направлением.

Иными словами, *средневековая стадия древнерусской литературы может восприниматься нами как аналогия литературному направлению Нового времени.*

Однако литературное направление «не несет в себе общего... критерия периодизации литературного развития», поскольку, по мнению Е. Н. Купряновой, невозможно «построить типологию литературного направления, а тем самым и периодизацию литературного процесса по принципу идеологической общности писателей и произведений»²¹.

Наоборот, каждая средневековая стадия отличается религиозно-идеологической общностью писателей и произведений и поэтому может служить «единицей измерения» развития литературного процесса до Нового времени. Тем не менее не самой большой.

Любое литературно-художественное направление (движение) Нового времени имеет теоретическое обоснование, которое сознательно разделяет и которого *осознанно* придерживается та или иная группа писателей.

В истории русского средневекового мировоззрения отчетливо выделяются три этапа развития сознания: **теоцентрический**, **антропоцентрический** и **эгоцентрический**, соответственно формирующие творческое сознание древнерусских писателей (речь идет именно об осознании своего творческого труда). Именно они формируют три «культурогенные среды», названные нами литературными формациями.

Таким образом, *под литературной формацией я понимаю определенную художественную систему, сложившуюся в рамках господствующего в определенный исторический период сознания — теоцентрического, антропоцентрического и эгоцентрического.*

Однако и в «литературной формации» меняется мировоззрение.

Выше уже говорилось о пяти стадиях в развитии русского средневекового мировоззрения и переходного периода.

Трем первым стадиям (XI в. — 80-е годы XV в.) соответствует **теоцентрическое** сознание. Это период становления **первой литературной формации**, в течение которой христиане пребывали в

---

¹⁹ Купрянова Е. Н. Историко-литературный процесс как научное понятие // Историко-литературный процесс. Проблемы и методы изучения. Л., 1974. С. 18.

²⁰ Там же. С. 17.

²¹ Там же.

ожидании конца света. Основная проблема, которая занимала умы православных людей, — это спасение души после ожидаемого в 7000 (1492) г. Страшного суда.

Стадии с 90-х годов XV в. до 40-х годов XVII в. присуще **антропоцентрическое** сознание. Соответственно, доминирующей стала проблема *личности*, личного спасения путем обожения человека — восстановления его потерянной духовной природы. Именно в этот период на Руси появляются парсуны — портреты исторических *личностей*, а в публицистике доминирует *личная* точка зрения. Это — **вторая литературная формация**.

Третья литературная формация — это стадия переходного периода от культуры Средневековья к культуре Нового времени: с 40-х годов XVII в. по 30-е годы XVIII в. Это начало формирования **эгоцентрического** сознания. В изобразительном искусстве воспроизводится частная мирская жизнь семьи (семейный портрет в домашнем интерьере), а авторы литературных сочинений заинтересовались психологией персонажей, которая и стала диктовать их поступки.

Три типа сознания отражают три *способа* познания мира:

- по Благодати «умом» — Богооткровения (теофании);
- на основе книжного знания (Святого Писания и Святого Предания) + Благодати + «разума» = мудростью;
- чувствами — с помощью «разума» на основе опытного знания.

4.2. Поскольку эволюция мировоззрения прослеживается исключительно на основе древнерусских сочинений, в развитии мировоззрения отражена в том числе и эволюция авторского (писательского) сознания и самосознания.

В истории отношения русских писателей к творческому труду также выделяются *три периода*, соответствующие трем литературным формациям.

Первый период: XI — конец XV в. (теоцентрическое сознание и теофания) — **синергетический**.

На первом его этапе, охватывающем две стадии идеалистического мышления (XI в. — первая половина XIV в.), *творчество осмысливается как Божественный акт*. Писатель, точнее «свидетель», выступает *по послушанию* как посредник в передаче в письменах сакрального смысла, открытого ему в Богооткровении. *В процессе писания осуществляется синергетическая связь Бога и человека*. Поэтому словесное творение не признается как результат волевого усилия писателя. Потому-то в этот период еще нет *авторского* осмысления текста как собственного сочинения, потому нет и авторской собственности на текст. Его свободно переписывают и изменяют последующие редакторы.

На втором этапе (вторая половина XIV в. — 90-е годы XV в.) проявляется объективно-идеалистическое мышление, сказавшееся в *осознанном присутствии воли человека в акте словесного творения*. Творчество осмысливается как взаимодействие Божественной Благодати и свободной воли человека, т. е. та же *синергия*, но уже осознанная (желанная) писателем. Другими словами, творчество есть общение с Богом. Писательское творчество осмысливается как словесное **сотворчество** с Богом (Бог есть Слово). Лучшим образом (теоретически) такое осмысление писательского творчества выражено у исихастов.

В XI—XV в. была высока, даже очень высока, ответственность за высказанное (написанное) слово. Но это была ответственность за *следование* соборному, устоявшемуся мнению, которое автор не нарушает, не искажает. Собственно авторское участие (задание) в том и заключалось, чтобы не исказить, а донести Истину, воспринятую по Благодати или почерпнутую в Святом Писании и обитающую в коллективном сознании в книжной среде. Автор несет ответственность за ненарушение истины!

Второй период — конец XV в. — 40-е годы XVII в. (эпоха антропоцентризма и начала рационализации сознания) — *проявление рассудочного начала в писательском творчестве*. Постигание мира осуществлялось не только через Благодать (духовно), но и с помощью «естественного разума». Происходит зарождение авторского начала, особенно в публицистике XVI в. и исторических повестях

Смутного времени. В сочинениях заметнее проявляется собственное мнение, вымысел, появляются и «недушеспасительные писания».

В XVI в. автор стал отвечать за свое личное слово, им сказанное (Максим Грек, Иван Пересветов, Андрей Курбский, Иоанн Грозный). Сохраняется соотношенность: Святое Писание – сочинение, но уже выражено личное понимание Истины (Святого Писания), личное восприятие событий (царского служения, устройства государства, толкования Промысла и т. д.). Автор осознает, что он отвечает пред Богом за высказанное *личное мнение*, а потому подписывает сочинение своим именем (от Бога его не утаишь), тем самым признает личную ответственность за сказанное (написанное).

Это еще не осознание своего личного «я», как будет в XVII в. (скажем, у Аввакума), а осознание личной ответственности пред Богом.

Конец XV – начало XVII в. – это антропологическое мировоззрение. Человек оказался в центре внимания, поскольку пребывает в процессе «домостроительства» – обожения личности. Его мысли – зеркало состояния его души, *лично его души*.

Третий период – 40-е годы XVII в. – 30-е годы XVIII в. (секуляризация сознания и формирование эгоцентризма) – *восприятие литературного труда как личного дела писателя*.

«Писатель стал частным человеком», независимым от «христианской свободы», «частный человек стал писателем», что раздвинуло жанровые и тематические рамки («были сняты запреты на смех и любовь») ²².

В этот период происходит диссоциация средневекового метода на метод познания и изображения действительности и формирование «художественного метода» с возникновением типизации, обобщения, вымысла. Появляется собственно *художественная литература*. **Талант** осмысляется как *Божественный дар*.

4.3. Теоретическое обоснование «литературной формации» строится на постулате: каждое произведение словесности не только порождено формацией, но является неотъемлемой частью самой этой формации, элементом этого целого и находится в обратной связи с формацией, т. е. влияет на нее саму.

Поэтому нельзя не согласиться с М. М. Бахтиным, когда он пишет о целостном подходе в изучении отдельного литературного произведения: «Литературное произведение ближайшим образом является частью литературной среды как совокупности всех социально-действенных в данную эпоху и в данной социальной группе литературных произведений. С точки зрения строго исторической единичное литературное произведение является несамостоятельным и потому реально неотделимым элементом литературной среды. В этой среде оно занимает определенное место и ее влияниями непосредственно определяется. Было бы нелепо думать, что произведение, занимающее место именно в литературной среде, могло бы избежать ее непосредственного определяющего влияния, могло бы выпасть из органического единства и закономерности этой среды» ²³.

Литературная формация вбирает в себя всю совокупность литературных произведений, написанных в хронологически выделенную (по эпистемологическим признакам) историческую эпоху.

Скажем, конец XVIII – первая четверть XIX в. в русской литературе – это так называемая эпоха романтизма. Романтизм в 10–20-е годы XIX в., может быть, и доминировал как литературное направление, вытесняя предшествовавший ему сентиментализм, но, тем не менее, соседствовал с сентиментализмом и даже классицизмом, а потом и реализмом. Т. е. сказать, что это была только лишь эпоха романтизма, нельзя. Это была литературная формация переходного периода, в продолжение которой происходило формирование романтизма как литературного направления, разделяемого значительной группой писателей, но помимо него существовали и другие направления, которых придерживались отдельные писатели, например Г. Р. Державин.

---

²² Панченко А. М. Русская история и культура. СПб., 1999. С. 334.

²³ Медведев П. Н. (М. М. Бахтин). Формальный метод в литературоведении. М., 1993. С. 33 (далее в тексте ссылки на издание даются в скобках).

«Но сама литературная среда, в свою очередь, является лишь несамостоятельным и потому реально не отделимым элементом общеидеологической среды данной эпохи и данного социального целого, — замечает далее М. М. Бахтин. — Литература как в своем целом, так и в каждом своем элементе занимает определенное место в идеологической среде, ориентирована в ней и определяется ее непосредственным влиянием. Идеологическая же среда в своем целом и в каждом элементе, в свою очередь, является таким же несамостоятельным моментом социально-экономической среды, ею определяется и проникается снизу доверху единою социально-экономическою закономерностью.

Мы получаем сложную систему взаимоотношений и взаимодействий. Каждый элемент ее определяется в нескольких своеобразных, но взаимопроницаемых друг для друга целых» (С. 34).

Таким образом, М. М. Бахтин выделяет три среды — литературную, идеологическую и социально-экономическую, которые «объемлют» художественное произведение и без учета которых невозможно изучать, т. е. правильно понять, литературное произведение²⁴.

Стало быть, «история литературы изучает конкретную жизнь художественного произведения в единстве становящейся литературной среды; эту литературную среду в обнимающем ее становлении и идеологической среде; эту последнюю, наконец, в становлении проникающей ее социально-экономической среды. Работа историка литературы должна, таким образом, протекать в непрерывном взаимодействии с историей других идеологий и с социально-экономической историей» (С. 35).

Свои наблюдения М. М. Бахтин сделал на основе и относительно литературы Нового времени. Что же касается русской средневековой литературы, то это положение в сущностной его основе требует уточнений.

Во-первых, под «идеологической средой» в средневековый период следует понимать религиозное сознание древнерусских книжников на разных сменяющих друг друга исторических этапах (формациях), имеющих разную направленность: теоцентрическую, антропоцентрическую и эгоцентрическую.

Во-вторых, под социально-экономической средой применительно к русскому Средневековью следует понимать общественно-экономический строй: великокняжескую власть (до XVI в.), царскую власть (сословно-представительскую монархию) (XVI — начало XVII в.) и самодержавную власть (абсолютизм) (с 20-х годов XVII в.).

Все три среды и формируют «литературную формацию». Эволюционное изменение одной из них ведет к изменениям в другой и в целом к изменению самой формации.

4.4. Обратим еще раз внимание на те формальные признаки, которые определяют авторы коллективной статьи в качестве основания для выделения и характеристики диахронических стадий в истории литературы.

1. Совокупность принципов литературного творчества в их практическом воплощении (художественное освоение мира в литературной практике) определяет художественное сознание.

2. В художественном сознании отражаются: а) историческое содержание той или иной эпохи; б) ее идеологические потребности и представления; в) отношения литературы и действительности.

3. Художественное сознание эпохи претворяется в ее поэтике.

4. Смена типов художественного сознания обуславливает главные линии и направления исторического движения поэтических форм и категорий.

5. Литература последующей эпохи развивается на фоне: а) решительного поворота в социальных и экономических отношениях; б) постепенного крушения предыдущего политического строя и его идеологии; в) сдвига от религиозного сознания к светскому и рационалистическому.

К этому следует добавить еще одно важное наблюдение исследователей: «Категории поэтики заведомо подвижны. Даже тогда, когда в длительной исторической перспективе они сохраняют свою

²⁴ Ср.: «...Невозможно понять сущность памятника, не выйдя за его пределы и не выяснив его место в системе мировосприятия, социально-политической истории и в культуре своего времени» (Липатов А. В. Древнеславянские письменности и общеевропейский литературный процесс // Барокко в славянских культурах. М., 1982. С. 17).

актуальность, от периода к периоду и от литературы к литературе они меняют свой облик и смысл, вступают в новые связи и отношения, всякий раз *складываются* в особые и отличные друг от друга системы. Характер каждой такой системы обусловлен в конечном счете литературным самосознанием эпохи (выделено мной. – А. У.)»²⁵.

Эта выведенная коллективом авторов универсальная формула взаимосвязи художественного сознания эпохи с поэтикой в целом применима и к русской литературе XI – первой трети XVIII в., но с учетом специфических особенностей, присущих сугубо русской средневековой литературе.

Применим те же критерии оценки для характеристики трех литературных формаций в истории русской литературы XI – первой трети XVIII в., обобщив вышесказанное.

При этом, во-первых, еще раз следует подчеркнуть, что «литературная формация» выступает в качестве самостоятельной структуры, а конъюктивно-дизъюктивным признаком выступает писательское сознание: теоцентрическое, антропоцентрическое и эгоцентрическое. Во-вторых, следует отметить, что каждой формации имманентно присуща черта переходности к другой формации.

Литературная формация XI–XV столетий

Этот период в развитии русского средневекового сознания относится к теоцентризму. Для него характерен синергетический тип творчества. Познание мира осуществляется по Благодати (теофания).

В «художественном сознании» этого периода отражено «историческое содержание»: рассматриваемый отрезок времени осмысливается древнерусскими книжниками как «последние времена» и ожидания Страшного суда в 1492 г. Отсюда все исторические события воспринимаются в эсхатологической перспективе. Русская история обретает провиденциальный смысл. Русский народ становится носителем Православия до «скончания века».

«Идеологическое представление» — осмысление земной жизни как приготовления к жизни вечной, княжеской власти как Богом данной, а княжеского служения как мирского служения Богу, выражавшегося в защите *своего* Отечества, *своей* православной веры и *своего* народа.

«Отношение к действительности»: основная тема древнерусской литературы — спасение души, а потому словесность носит поучительный характер — и действия, и поступки, и помыслы людей оцениваются с учетом этой задачи. При этом необходимо отметить, что речь идет о *личном* спасении человека.

В конце XV — начале XVI в. происходит смена теоцентрического сознания на антропоцентрическое на фоне поворота истории от Древней Руси — содружества княжеств — к Московскому царству. Изменяется политический строй: великий князь превращается в царя, помазанника Божия. Меняется и идеология: от эсхатологической концепции «последних времен» к эсхатолого-политической теории «Москва — Третий Рим».

Происходит сдвиг мышления от религиозного к рационалистическому.

Фактически, если формально подходить к оценке соблюдения всех обозначенных признаков, то мы наблюдаем смену одной глобальной «литературной эпохи» на другую. Но не изменился «тип художественного сознания». Стало быть, следует говорить о смене не глобальной «литературной эпохи», а о входящей в ее состав рангом меньшей литературной системы. Именно она и названа «литературной формацией».

Рангом меньшая система структурно отражает более крупную, сохраняя большую часть ее признаков. Обязательно совпадает главный объединяющий критерий: здесь — «тип художественного сознания».

Литературная формация конца XV — 40-х годов XVII в.

Этот период в развитии русского средневекового сознания относится к антропоцентризму. Для второй в истории русской литературы литературной формации характерно проявление **рассудочного начала** в писательском творчестве. Познание мира осуществляется все еще по Благодати, но значение обретает книжное и опытное знание.

---

²⁵ Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В. Категории поэтики в смене литературных эпох. С. 3.

В художественном сознании этой формации отражено осмысление Московского царства как последнего перед вторым пришествием Христа и вытекающей отсюда задачи — построения в Русской земле Нового Иерусалима — центра спасения.

Возникает концепция *коллективного* спасения в благочестивом Православном царстве, хотя значимость *индивидуального* спасения не ослабла.

Отношение литературы к действительности выражается в стремлении выработать концепцию Православного царства, чем обусловлено доминирование в XVI в. публицистики, и осмысления Промысла о Московском царстве в Смутное время — в начале XVII в.

Литература этой формации развивается на фоне:

а) решительного поворота от великокняжеской власти и государственной раздробленности к построению единого централизованного государства — православного Московского царства;

б) постепенного крушения предыдущего политического строя — великокняжеской власти с заменой его идеологии на царскую;

в) сдвига от религиозного сознания к светскому и рационалистическому.

Художественное сознание эпохи претворяется в ее поэтике. Развиваются новые жанры (публицистика, хронографы).

Литературная формация 40-х годов XVII — 30-х годов XVIII в.

Для третьей литературной формации, основанной на эгоцентризме, характерны: секуляризация сознания и *восприятие литературного труда как личного дела писателя* — осознание и выражение авторской позиции, оформление собственности на литературный труд указанием автором своего имени.

Познание мира осуществляется опытным путем с помощью рационалистического мышления. В центре мира и в центре художественного произведения оказывается личность писателя.

В художественном сознании этой формации отражено осмысление России как светского европейского государства, устраивающего свою судьбу по воле самодержавного монарха.

Осмысление Провиденциализма в русской истории завершается в Петровскую эпоху. Отныне история будет расцениваться не как Богом указанный путь ко всеобщему спасению, а как цепь человеческих деяний на благо Отечества.

В концепции построения самодержавного царства, в котором реализуется провиденциальная идея сохранения Православия до Страшного суда, вырабатывается и новая концепция *личного* спасения: оно заключается в личном труде на благо Отечества и в конечных результатах этого труда — их количестве. Это относилось, в частности, и к писательскому труду.

Литература этой формации развивается на фоне: а) поворота от построения православного Московского царства к созданию монархического государства — России; б) постепенного законодательного изменения политического строя — от царской власти до самодержавной монархии; в) секуляризации сознания и отделения религиозного сознания от светского, рационалистического.

В течение этой литературной формации и происходит формирование собственно художественного метода литературы, основанного на типизации, обобщении и вымысле, и появляются первые светские художественные произведения.

Подводя итог сказанному, следует еще раз отметить, что под литературной формацией мною понимается исторически складывающаяся (под воздействием мировоззрения, веры и влиянием исторических, социально-экономических, общественно-политических и др. процессов) совокупность взаимосвязанных между собой литературных явлений, создающих устойчивую на длительном временном отрезке дистинктивную, т. е. четко отграниченную, систему, обладающую свойствами, отсутствующими у каждого из входящих в нее явлений в отдельности.